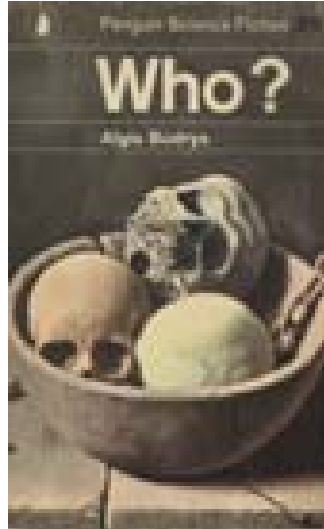
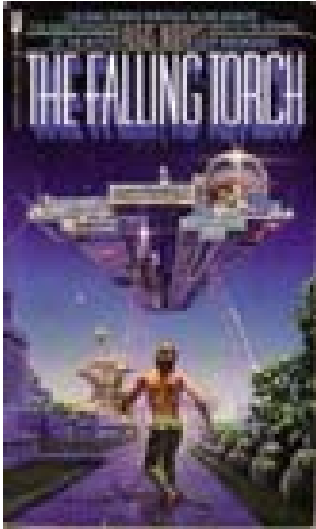

ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

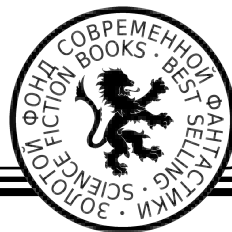
Альгис Будрис

Злая Луна

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ

ФАНАТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Algis Budrys. The Iron Thorn. 1967
Перевод - Б. Кадников, О. Колесников

Algis Budrys. The Falling Torch. 1959
Перевод - О. Колесников

Algis Budrys. Who? 1958
Перевод - О. Колесников

Algis Budrys. Some Will Not Die. 1961
Перевод - О. Колесников

Algis Budrys. Rogue Moon. 1960
Перевод - О. Колесников

Издательство ООО «Международный центр фантастики»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д.9, подъезд 9
тел./факс (495) 918-10-87

Лицензия ИД № 00068 от 6 сентября 1999 г.

Подписано в печать 21.07.2011. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 49. Тираж 100 экз. Зак. № .

Альгис Будрис

Злая Луна: Фантастические романы. — М.: Международный центр фантастики, 2011. — 799 с.

Не предназначено для продажи.

Железный шип

*Посвящается Джеффу, который сказал мне,
почему это возможно,
и Барбаре, которая сказала мне, как это все
кончится.*

Глава первая

1

Дно мира было покрыто плавными линиями дюн, очень похожими на те, которые покрывают дно океана. Заходящее Солнце погружало правые склоны всех дюн в чернильную фиолетовую тень. Испещренные полосами и пятнами длинные дюны лежали плотно и компактно, как спящие и прижавшиеся друг к другу люди, и заполняли собой весь мир от края до края.

Края мира были высокими и изломанными. Западный горизонт представлял собой сине-черную стену, окаймленную сверху сияющей и выгнутой аркой, дугой цвета ржавчины, чьи концы простирались в обе стороны так далеко, насколько хватало глаз. Повернутые в сторону солнца бока редких встречных скал и груд камней были залиты сочно-оранжевым и казались яркими рябинами на фоне бесформенной тени под горящим ржавчиной краем мира. Где-то там, из-за горизонта, из черных просторов Созидания уже проклевывались четкие неподвижные капли света.

Амрс бежал к линии горизонта, его широкие когтистые нижние конечности неслись с глухим шипящим топотом по вершинам дюн, поднимая к небесам клубы пыли и песка, которые, однако, очень быстро оседали на прежнее место. Каждый раз, достигнув вершины очередной дюны, амрс вырывался из все более и более расплывающейся тени и подобно окружающим камням, заливался на короткое время оранжевым, чтобы сразу после этого, в отличие от неподвижных камней, скатиться под новый откос, а чуть позже опять появиться на следующем гребне. В амрсе было полдюжины футов роста. Маленькие руки птицы, растущие из середины ее больших крыльев, прижимали к ее груди короткое копьё с металлическим древком.

И хотя Почтенный Джексон Белый, который гнал сейчас амрса, имел по этому поводу другое мнение, нужно признать,

что амрс был прекрасен. Отяжеленная клювом голова птицы, казалось, состояла из сплошных изломанных граней и щелей и была похожа на рыцарский шлем с забралом, а ее огромные, полупрозрачные крылья, предназначенные для полета, были расправлены для поддержания равновесия во время бега. Грациозная, как невеста гоблина, птица изгибалась в движении, размахивая своими плюмажами длинных кожаных ленточек-вымпелов, бахромы, растущей из рогов, разбросанных по всему ее вздернутому кверху телу и стройным нижним конечностям. Огромное количество бахромы служило амрсу хорошей защитой от холодов и весьма ценилось в нем людьми Железного Шипа. В данный момент эта бахрома должна была отпугивать преследующее птицу чудовище — гладкокожее, резво и весело мчащееся широкими скачками по песку существо.

Расправленные крылья амрса, размахом от одного игольно-острого кончика до другого почти в двадцать футов, горящие в лучах уходящего за горизонт солнца бледно-розовым, отлично подходили для мгновенных и безумно резких изменений направления бега. Много раз за время погони Джексон Белый вскидывал свой сделанный из амрсовых же костей посох для метания с заготовленной стрелой с грубым, но острым стеклянным наконечником, да все без толку — добыча опережала его. Выражая свое пренебрежение, амрс вскидывал вверх одно из плеч, закладывал на восьми квадратных футах песка очередной вираж и бывал таков — уже несся в другом направлении, быстро и оценивающе взглянув через плечо сквозь щели частокола узких роговых пластин горящими зрачками на своего преследователя.

Вместе Джексон Белый и амрс, без усталости пробуждающие своим бегом ото сна красный песок великой пустыни, составляли великолепную пару, чего невозможно было бы достигнуть, окажись они здесь каждый по отдельности. Загорелый до черноты Джексон был высок, худощав и длинноног. Глядя на него, невозможно было представить, чтобы он когда-нибудь вдруг пошел неуклюже, вразвалочку. У него было удлиненное лицо, отдаленно напоминавшее голову амрса, и такие же, как у птицы, светящиеся глаза. Подобно амрсу, он бежал изящно и легко. Голова Джексона была увенчана блестящим, но очень старым шлемом с остроконечным штырем и новым ремешком из кожаной бахромы амрса под подбородком. В пузыре из амрсовой же кожи, привязанном к поясу и закинута на поясницу, Джексон держал полпинты воды, а запасная стрела была зажата у него подмышкой левой руки. Такой же жилистый и выносливый, как амрс, Джексон осознавал, что гон птицы идет как-то не так. Похоже на то, что темп задает не напор охотника-Почтенного, а подозрительная ленность и вялость добычи.

Джексон обратил внимание и на то, что столь раздражавшие его скачки и броски птицы из стороны в сторону происходили все-таки относительно одной, базовой линии, неизменно уводящей преследователя от спасительного соседства Железного Шипа. Проклятая птица явно пыталась заманить его в ловушку. Джексон Белый лишь недавно стал Почтенным и если то, что происходило сегодня, входило в вещи своеобразные для избранного им жизненного пути, он желал познать их скорее, пока был достаточно молод для того, чтобы учиться. Поэтому, когда его рассчитанные, длинные прыжки с резкими остановками заканчивались ничем, кроме одного-двух чувствительных ударов довольно острого края шлема по черепу, он не слишком расстраивался. Причин сомневаться в том, что он умнее и выносливее любого амрса или человека на всем свете, пока не возникало. Если все-таки они появятся, очень скоро он о них узнает. Он мог бежать так целый день — оставаясь в пределах тех границ, которые он не мог пересекать — и от души надеялся, что амрс приведет свою хитрость в исполнение сразу же, как только стемнеет. Он даже хотел бы помочь амрсу ускорить события, если только хитрость птицы состояла именно в том, о чем Джексон думал.

Так они и бежали, путая друг друга. Джексон вдруг подумал о том, что скажет ему брат, Джексон Черный, если сегодня он принесет амрса, и что — если вернется с пустыми руками. Нужно сказать, что брат Джексона Белого всегда хорошо к нему относился. Кроме того, Джексон думал о том, как это, наверно, приятно: сидеть за общинным столом с чувством гордости от сознания того, что все едят пищу, добытую тобой. Он представил также и то, как к этому отнесутся женщины и оставят ли его, наконец, в покое со своими советами старейшины. И все его мысли были веселы и светлы, как веселы и светлы могли быть мысли сильного человека, не знающего усталости, носящего имя Почтенного в мире, окруженным со всех сторон амрсами и пустыней и населенным преимущественно безликими и неинтересными фермерами и центром которого был Шип, рядом с которым все эти фермеры вынуждены были оставаться.

Джексон оглянулся через плечо, чтобы проверить, как далеко он ушел от Шипа. Он бежал уже давно и покрыл большое расстояние. Сейчас над горизонтом была видна только остроконечная темная вершина Шипа в несколько футов высотой. Джексон отлично понимал, что, потеряв он сейчас шлем — мучительная и скорая смерть будет неминуема. В этом случае ему не спастись ни за что. Но гораздо больше Белого беспокоило то, что амрс, как видно, не считал его разумным существом ни на йоту.

Почтенный Джексон Белый очень хорошо знал (и знание его было основано на большем, чем простая опаска старого мудрого фермера, который всегда скажет вам, что искать что-либо за окраиной полей не стоит), что удаляться за пределы видимости Шипа просто опасно. Опасным было так же выходить за окраину полей без шлема. Что же касалось второго правила, относительно шлема, то это правило продемонстрировал Джексону — Черный, пригласивший его однажды в пустыню и предложивший ему попробовать снять шлем. Воздух вокруг Джексона мгновенно превратился в сжигающий тело удушающий лед, а солнце поблекло и сделалось холодным. После этого кожа Белого несколько дней зверски зудела. Предупреждение об опасности терять из поля зрения Шип, будь ты в шлеме или без него, он принял им на веру просто со слов брата — опытного и знающего пустыню Почтенного. Конечно, в поселении имелись старейшины, в головах которых содержалось столько знаний, что, казалось, эти знания вот-вот попрут у старейшин из ушей, и спасало их только то, что рты их не закрывались никогда. Кроме того все без исключения старейшины имели при себе собственных женщин, которые без умолку врали всем желающим, как ловки и храбры их мужья и как тяжела в пустыне жизнь.

Все эти знания передавались людьми из уст в уста с первого дня Сотворения Шипа, и Джексон был уверен, что амрсы, путем наблюдения, способны узнать о том, во что люди верят свято, а к чему относятся как к непонятым, но общепринятым правилам поведения. В конце концов амрсы жили в пустыне за границей полей с самого начала времен и имели бесчисленное количество возможностей проследить за тем, до какой точки доводит фермер свой плуг и как устраивают свои ночные засады в дюнах Почтенные.

И сказано было, что не мир был создан для амрсов, а амрсы для мира. В любом случае, этот мир был создан и не для человека, а посему человек должен отдавать себе в этом отчет. Исходя из этого постулата, остается неясным вопрос: что же замыслил сейчас этот амрс? — ломал себе голову Джексон Белый, пыля по песку, над которым сразу же вслед за его ногами поднимались маленькие слабые вихри, словно воздух был и не воздухом вовсе, а горячей водой. Неужели эта птица на самом деле верит в то, что Почтенный последует за ней к самому горизонту, пересечет его, потеряет из вида Шип и упадет замертво, став ее легкой добычей?

Однако все говорило за то, что план амрса, вероятно, был именно таков.

Таким был ответ. После того как птица неторопливо затрусила прочь от места засады, совершенно не желая скрываться

от Почтенного, Джексон Белый понял, что в искусстве гона амрсов есть еще очень много такого, чего он и представить никогда не мог. А некоторое время назад птица вдруг увлекла его за собой вокруг широкого голого скального выступа, и Джексон приготовился, ожидая нападения противника — два или три амрса, поджидающие его в засаде. Ничего такого, однако, не случилось; широкая дуга, по которой они огибали пористое скальное возвышение, окрашенное в кроваво-оранжевый, дошла уже до середины препятствия. От скалы амрс держался на приличном расстоянии, и Джексон отлично видел, что на всем обозримом пространстве пустыни единственные живые существа — это он сам и бесполовая птица.

Очень хорошо. Шип был уже настолько далеко, что, кажется, пропал из виду, но Почтенного Джексона Белого это не очень-то беспокоило. Он все равно смог бы вернуться обратно к Шипу по своим собственным следам, потому что все извилины, изменения направления и отрезки пути с того времени как он покинул человеческое поселение, хранились у него в памяти. Джексон решил начать первым. Через семь шагов он собирался вдруг споткнуться, выронить из рук метательный посох и стрелы, схватиться руками за горло, повернуться и попытаться ползти назад — в общем изобразить все так, как случилось бы, если бы амрс заманил-таки его за горизонт. Если птица не клюнет на этот трюк... что ж, это будет очень печально. Если же она нападет на него, то получит в надлежащее время удар стрелой в горло.

Но не успел он отсчитать и трех шагов, как мир на самом деле превратился в лед и горло его наполнилось холодной хрусткостью. Только что он бежал вперед со скоростью около двадцати футов в секунду — спокойный и уверенный в себе, обдумывая коварный план, и вот он уже забыл обо всем, падает лицом вперед, не имея возможности задержать свое падение, давится и думает только о том, как добыть из пустого воздуха желанный вдох. Ему казалось, что его глазные яблоки замерзли и вот-вот лопнут. С негодованием он обернулся к Шипу, но увидел только кусок скалы и, удивившись, отметил, что оказаться в пустыне за грудой камня, даже в пределах видимости Шипа, это, как ни странно, то же самое, что снять шлем. Ни Джексон Черный, ни кто другой ничего ему об этом не говорили.

А чертов амрс уже бежал назад.

2

Амрс мчался к нему как ураган; ничто в мире не могло двигаться быстрее амрса, если он того хотел, а этот амрс явно

рвался поскорее добраться до Почтенного Джексона Белого. Крылья птицы были раскинуты в стороны, как серпы двух лун. Маленькая недоразвитая рука амрса, сжимающая металлическое копьё костлявым четырехпалым кулачком, уже занесла оружие для удара. Крылья поднялись над туловищем существа наподобие кожаных чаш и с шуршащими хлопками принялись бить разреженный воздух, поднимая облака пыли. Теперь Джексон Белый видел лицо амрса хорошо — алчно раскрытый клюв, воинственное безумие в глазах. Когти птицы взрыхляли песок.

Но Джексону было не до зрелищ. Он знал, что с ним происходит — холод и шок заставили его сосредоточиться на том, что творилось у него внутри. После того как Черный показал ему тот самый фокус со шлемом, Белый долгое время размышлял на эту тему. Старые женщины объяснили, что с ним случился солнечный удар и что он еще хорошо отделался, но сам он думал иначе и считал, что все дело в холоде и в недостатке кислорода. Лишите человека воздуха на полувздохе — и его сердце может остановиться от страха, только потому, что такая полезная, нужная и незаметная функция организма вдруг не привнесла в его легкие ничего, оставив своего хозяина в ужасной растерянности. Придя к такому выводу, Белый уже мог дать ответ, отчето его тело так стремится сложиться вдвое, а руки тянутся к горлу, чтобы разорвать его.

В тот раз он решил повторить эксперимент, попросив одного из соседских мальчишек как следует ударить его кулаком в живот. Случилось почти то же самое — только без холода вокруг, боли в глазах и жжения в носу — то же ощущение бессилия, пока спазм не прошел и он смог свободно дышать. Джексон тогда решил, что если он будет думать об этом достаточно долго, то сможет найти также и причину того, откуда в пустыне берется холод и что вызывает кровотечение из носа. Но сейчас размышлять над этим было некогда — к нему приближался амрс. И пока посох и стрелы Джексона лежали от него в стороне, там, где он их уронил, смерть была неминуема.

Несмотря на все происшедшее, он наверняка был бы уже бессилен что-либо сделать, если бы не собрался разыграть то же самое заранее. Он не мог вздохнуть — не мог вздохнуть вообще, а ходить и собирать свое разбросанное оружие с пустыми легкими невозможно, даже если вы знаете, что от этого зависит ваша жизнь. Но у него была еще одна стрела, укрепленная под мышкой. Согнувшись пополам, Джексон достал ее. Амрс уже совсем приблизился. Оттолкнувшись сильными лапами от земли, птица расправила крылья, планируя в сторону Белого. Джексон ожидал, что амрс вот-вот обрушит на него, подобно

ошипованным булавам, свои когтистые лапы. Но враг, похоже, медлил. И вдруг амрс, зависнув на какой-то миг в воздухе, начал стремительно падать на Белого, выставив вперед копьё. Блестящее острие едва не задело Белого. Амрс пронзительно выкрикнул:

— Сдавайся! Сдавайся!

Но Джексон лишь слабо повернул голову и посмотрел на птицу в упор, всем видом демонстрируя свою беспомощность. Сгорбившись, он сидел на холодном песке. Телом он прикрывал стрелу и держал ее, оперев пятку дровка в ладонь, с тем чтобы удар получился сильнее.

— Сдавайся, мокрый дьявол! — не унимался амрс. И в этот момент Джексон резко выпрямился и схватил птицу левой рукой за ногу выше коленного сустава.

Нога амрса была жесткой, как панцирь таракана.

Амрс отчаянно вырывался, взмахивая крыльями, но Джексон притянул его к низу и прижал пойманные ноги к песку. Затем бросился вперед и, путаясь в кожаной бахrome амрса, навалился всем телом на птицу. Крылья и когти твари царапали его кожу, в какой-то момент амрс извернулся и вонзил в спину Джексона клюв. Но Почтенный уже нанес свой удар, пробив горло и спинной хребет амрса. Казалось, будто оружие прошло через несколько слоев натянутого на раму пергамента. Затем — следующий удар в грудь — в один из двух больших пузырей, находящийся чуть ниже роговых зубцов и прочего — и сразу же прижал к себе амрса, нащупав ртом дыру в его груди и жадно начал дышать, дышать, дышать.

А амрс все еще хлопал крыльями, бил ногами и выгибал спину, но Джексон держал его крепко. То, что било из груди птицы Джексону в рот, было теплым, как жизнь, шипело и весело играло; легкие Белого наполнились этим, и ему пришлось прервать вдох — слишком мощный напор.

Он не должен больше дышать; он не должен больше дышать. Теперь он сможет обходиться без воздуха долго, очень долго. Это отличалось от случившегося с ним раньше, когда он просто не мог вдохнуть. Такое ощущение как будто вам не нужно больше дышать вовсе; так происходило с Почтенными, которые устраивали пляски вокруг Шипа на всю ночь, хэй-хо, потягивая из пузырей только что убитых амрсов их дух и совсем не дыша, только выдыхая время от времени и снова припадая ртами к вырезанным из тел амрсов пузырям, смеясь и ухая, как смеются и ухают от радости мертвые, попав наконец в Возмир.

Тело амрса умирало. Трудно было сказать, была ли уже мертва его голова — с телом ее связывала только полоска кожи. Глаза амрса были уже закрытыми. Из-под его смеженных век

лилось и сразу же застывало на песке льдом что-то прозрачное и густое. Кончики крыльев птицы все еще трепетали. И Почтенный Джексон Белый был жив, что, черт возьми, нельзя было сказать о его добыче. Он подхватил амрса на плечо. Пошатываясь и улыбаясь, он захромал к своему оружию — к посоху для метания и стрелам, подхватил заодно и металлическое копье птицы. Зажав оружие в одной руке (другой он придерживал добычу), Джексон зашагал обратно, все еще страдая от холода, но не обращая уже на это внимания, дрожа от радостного возбуждения, счастливый от первого в жизни глотка чистого кислорода, со своим первым амрсом на плече, насытившийся наконец, как человек долго мучавшийся от жажды в жаркий летний день и испивший чашу холодной чистой воды.

Глава вторая

1

Потом он долгое время отдыхал на прохладном песке, рассматривая яркие точки и луны над головой, которые очень красиво плыли по небу, но что это такое на самом деле он не знал. Приподнявшись на одном локте, он ласково погладил стройное бедро сраженного амрса. Загнанная наконец птица, со сложенными крыльями, казалась неясной, угловатой тенью, но Почтенный Джексон Белый мог не задумываясь описать каждый завиток ее рога, каждую ленточку бахромы, каждый коготь и каждый ее зуб. Отстегнув со своего пояса перевязь с пузырьем, он откупорил его и сделал несколько глотков воды.

По мере того как мускулы его шеи и спины напрягались, из ран, потрескивая, высвобождался песок и сыпался вниз, приятно щекоча ему спину. Джексон улыбнулся амрсу и похлопал его по ноге. Затем поднялся, приладил свое снаряжение и сориентировался относительно силуэта едва не погубившей его скалы, черневшей на фоне звезд. Нужно было идти.

Он наклонился и поднял с песка свою первую добычу, вскинул ее на плечи, устроил поудобней и пошел быстрым шагом, делая короткие остановки для того, чтобы внимательно оглядеться и послушать песок. Считалось, что амрсы не любят бродить по ночам — на основании чего и была принята тактика Почтенных: устраивать засаду с вечера. Будучи настроенным сегодня особенно критически, Джексон Белый спросил себя: если амрсы не рыщут по ночам, почему тогда столько засад заканчивается неудачей.

Своего забитого амрса он держал крепко. Немного расслабившись, он смог бы нести тушу с меньшей затратой сил, но он этого не хотел.

Никто и никогда не говорил ему о том, что амрсы способны говорить. Никто так же не говорил ему, что птицы могут иметь при себе какое-нибудь оружие, кроме когтей, клюва и кончиков крыльев. Ему говорили (это говорилось всем детям Железного Шипа, перед тем как большая часть из них становилась фермерами, а меньшая пыталась счастье Почтенных) что амрсы забрали бы их всех, кабы Почтенные не присматривали за ними. Но никто при этом не объяснял, каким образом амрсы могли это сделать.

Своему первому амрсу он просто не мог позволить уйти. Слишком долго он учился искусству гона.

Скрипучие, острые песчинки под его ногами неприятно поскрипывали. Амрс шуршал на его плечах. Птица состояла из сплошных острых углов и колючек, болезненно впивавшихся в тело Белого. Главные крыловые кости птицы включали в себя по несколько суставов. Руки амрса росли от локтей. Крылья же амрса, от рук вниз, крепились на чем-то, напоминающем необыкновенно длинные человеческие мизинцы. Придающие крыльям жесткость ребра, представляли собой крепкие хрящи, растущие из суставов этих мизинцев, из запястий, и так вплоть до локтей. Вообще крылья амрса были похожи на полуразрушенный навес. Джексон пытался уложить крылья и так и эдак, свернуть, но напрасно — то одно крыло, то другое сваливалось вниз, начинало раскачиваться в такт ходьбе, в результате — коготь на кончике крылового мизинца резал Белому ноги. Когда ему это в конец надоело, он сбросил амрса на песок и обвязал птицу ее же собственной бахромой. Но получившийся в результате этого жесткий сверток еще больше резал спину и то и дело скатывался вниз.

После трех сотен шагов в свертке нашелся острый шип, глубоко вонзившийся в самую широкую из Джексоновых ран — в разорванный клювом амрса верх плеча. Края зияющей раны уже подсохли и затвердели, кровавая борозда внутри была засыпана песком и поэтому не подтекала. Конец раны доходил до перекрученных реберных мышц. Появление такой раны на теле заинтересовало Джексона необычайно — во-первых, было странно и любопытно потрогать себя внутри, а во-вторых, доставляла удовольствие сама мысль о том, что не будь он могучим и победоносным Почтенным, то наверняка бы уже давно жалобно дрожал и скулил. То, что человек должен опасаться причинять вред своей плоти, Белый понимал очень хорошо. Он по себе знал, что даже небольшая рана несла с собой много не-

приятностей, из чего следовало, что следить за собой было умнее. Однако вместе с тем Белый отметил, что главным в ране является не величина, а само ощущение, которое либо заставляет человека кричать, либо он терпит и молчит. Именно поэтому он и решил стать Почтенным. И сегодня он им стал — Почтенным с белым шрамом от удара клюва амрса. Почтенным, который время от времени сбрасывает своего амрса на песок, растягивается рядом и слушает дюны, а звезды и небольшие луны дают ему тот незначительный свет, который освещает его путь. Белый возвращался к Шипу, туда, где с завтрашнего дня он будет жить уже по-другому.

2

До рассвета оставалось уже совсем немного, когда Джексон наконец увидел на фоне начинающего сереть неба тусклые очертания Шипа. Одновременно с этим он услышал невдалеке от себя шаги — по песку шел человек. Вероятно это Джексон Черный идет по хребту соседней дюны к нему на встречу.

По традиции Почтенный должен был дожидаться прихода людей, сидя на солнечной стороне Шипа. Рядом с ним должна была лежать его добыча. Встречают их люди, поднимающиеся утром для работы в полях. Тот Почтенный, чья охота увенчалась успехом, по традиции оставался в пустыне до наступления света, даже если в этом и не было нужды. Люди, случайно встретившие Почтенного до восхода солнца, должны были делать вид, что не замечают лежащей у него на плечах туши. Идея сводилась к тому, чтобы придать появлению убитого амрса видимость естественности и самопроизвольности, как, например, метеоритный дождь. Почтенному надлежало держать себя очень спокойно, не замечать внимания других — по крайней мере до тех пор, пока вокруг не соберется достаточно народу, чтобы потом уже возликовать должным образом.

Этот бессмысленный ритуал был известен всем, но мало кто обращал на него внимание. Происхождение ритуала восходило к тем далеким временам, случившимся, может быть, дюжину поколений назад, когда некий благочестивый глупец решил вдруг усложнить всем жизнь особой манерностью. Основная проблемой в отношении всей этой чепухи, которая, дескать, должна была делать жизнь людей лучше и интересней, заключалась в том, что на самом деле ничего хорошего это не давало, а интересы свои человек по-прежнему должен был отстаивать сам. Со временем даже сообщество фермеров поняло это. И Джексон Белый всем сердцем надеялся, что сегодня, в день его первой